

УДК 008

Суворов Дмитрий Владимирович

канд. культурологии, доцент факультета бизнеса
и управления Гуманитарного университета
(г. Екатеринбург).
E-mail: dmitrij_suvorov_60@mail.ru

Suvorov Dmitriy Vladimirovich

Candidate of Culturology, Associate Professor
at Business and Management Department,
Liberal Arts University – University
for Humanities (Ekaterinburg)

**ДОГОНЯЮЩАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ
КАК ФЕНОМЕН**

**«CATCH-UP MODERNIZATION»
AS A PHENOMENON**

Аннотация

Статья Д. В. Суворова посвящена феномену «догоняющей модернизации». В работе рассматривается специфика процессов, происходящих в результате «вторичной», «неорганической» модернизации и отличных от феномена модернизации «первичной», «органической» (имевшей место в ограниченной группе стран Северо-Западной Европы в начальный период Нового времени). В исследовании показано, что по пути «догоняющей модернизации» шло развитие абсолютного большинства стран мира, в силу чего данный своеобразный тип развития может считаться типологически наиболее значимым.

Ключевые слова: догоняющая модернизация; первичная и вторичная модернизация; органическая и неорганическая модернизация; неомодернизационная теория; европоцентризм.

Abstract

The article is devoted to the phenomenon of «catch-up modernization». The paper considers the specificity of the processes arising as a result of the «secondary», «inorganic modernization», and they differ from of «primary», «organic modernization» phenomena (in a limited group of North-Western Europe countries in the early Modern period). The study shows that the vast majority of countries in the world followed «catch-up modernization» way so that such development should matter most in terms of typology.

Key words: «catch-up modernization»; primary modernization and secondary modernization; organic and inorganic modernization; modernization theory; Eurocentrism.

К чему близки мы? Что там, впереди?
Не ждет ли нас теперь другая эра?
И если так, то в чем наш общий долг?
И что должны мы принести ей в жертву?
И. Бродский

Феномен догоняющей модернизации – один из самых востребованных в современном российском научном дискурсе, поскольку именно эта форма рассматриваемого нами феномена была типична для российской истории и российского социокультурного развития. Выяснение характерных черт догоняющей модернизации позволит прояснить многие традиционно затемненные моменты отечественной историософии и определить типическое и индивидуальное в ней.

В научной литературе описана следующая, широко известная типология модернизаций: «“первичная” (Западная Европа, США, Канада), охватывающая эпоху первой промышленной революции, разрушения традиционных наследственных привилегий и провозглашения равных гражданских прав, демократизации и т. д.;

“вторичная”, “отраженная”, модернизация “вдогонку”... – ее основным фактором выступают социокультурные контакты отставших в своем развитии стран с уже существующими центрами индустриальной (а сейчас и постиндустриальной. – Д. С.) культуры» [10. С. 342–343]. Оба этих типа модернизации описаны П. Штомпкой (модернизация как переход от традиционного общества к современному и как усилия развивающихся сообществ догнать развитые); ученый также упоминает третье значение данного концепта – как синоним любых прогрессивных социальных изменений в любой период человеческой истории (своего рода синоним понятия «прогресс»), но именно данное значение в научной литературе используется редко [20. С. 170–171]. Первые два концепта (присущие научной литературе), естественно, абсолютно не синонимичны понятиям «прогресс» и тем более «эволюция» – это прямо вытекает из вышеприведенных определений модернизации.

Близко к вышесказанному стоит и констатация В. Цапфа: «Под модернизацией можно понимать:

- вековой процесс индустриальной революции, в ходе которого развилась не-большая группа современных обществ;
- многие догоняющие процессы менее- или слаборазвитых стран;
- попытки современных обществ удержать, сохранить развитие и совладать с новыми вызовами путем инноваций и реформ» [19. С. 15].

Второй пункт приведенной типологии прямо относится к интересующему нас явлению.

Некоторую вариацию на тему вышеизложенной типологии представляет следующая: «Специалисты различают две основные разновидности модернизации: *органическую и неорганическую*. Органическая модернизация относится к тем странам, где модернизация происходила в силу эндогенных факторов. Такой вид модернизации присущ Англии, где модернизация “была естественной, как долго вызревавший продукт развития общества”» (цит. по: [8. С. 7]). В отличие от этого, вторичная, неорганическая модернизация являет собой ответ на внешний вызов со стороны более развитых стран и совершается путем заимствования чужой технологии, приглашения специалистов, обучения за рубежом, инвестиций. Соответствующие изменения происходят в социальной и политической сферах: меняется система управления, вводятся новые социальные институты, меняется система ценностей и т. д. Неорганическая модернизация также характеризуется как “догоняющая” или “запаздывающая” модернизация» [5. С. 2–3].

Последняя констатация уже требует некоторых комментариев. Как видно, догоняющей («неорганической» по определению!) модернизации изначально отказывается в эндогенности факторов развития – она приобретает в данной концепции однозначный характер чего-то насильственного, навязываемого собственному социуму. Представляется, что однозначно утверждать подобное – значит резко упрощать картину. Действительно, примеров именно такой парадигмы «осовременивания» собственного социума история дает немало (российская – тем более); однако утверждать на этом основании, что, скажем, в России эпохи Петра I, Турции эпохи Кемала Ататюрка или же Сингапуре эпохи Ли Куан Ю, а также Японии после 1945 года (самые впечатляющие исторические образцы резчайшей насильственной модернизации) совершенно не было пресловутых «эндогенных факторов» обновления – равносильно скатыванию к вульгарно-социологическим построениям. Более фактологически корректным надлежит признать сложное сочетание эндогенных и экзогенных факторов в рассматриваемом феномене: какие-то внутренние тенденции и потенции данного социума (страны, региона, цивилизации) вступают во взаимодействие с «внешним вызовом» (наличие последнего, вполне в духе концепции А. Тойнби, – абсолютно неременный атрибут описыва-

емого типа модернизации) и реагируют на последний. Столь же уязвимым представляется и термин «запаздывающая модернизация» – поскольку, во-первых, в самом названии уже содержится некая негативная оценочность (как бы «аутсайдерство по определению»), что не всегда соответствует действительности; во-вторых, встает вопрос о масштабе «запаздывания» (тут историческая амплитуда может колебаться от нескольких десятилетий до нескольких веков, что делает само определение чересчур расплывчатым) и адресате, по отношению к которому совершается «опоздание» (как увидим в дальнейшем, тут тоже не все однолинейно). Поэтому в дальнейшем разговоре мы будем употреблять только термин «догоняющая модернизация», как наиболее отвечающий реалиям.

Следует сразу же сделать и еще одно существенное уточнение. В литературе понятие «догоняющей (вторичной) модернизации» традиционно подается как некий «экзотический вариант» на тему основного, «первичного» типа; из этого логически следует, что «первичный» тип является «идеально-типическим» и все остальные разновидности модернизационного процесса должны рассматриваться как частное по отношению к общему. Однако встает вопрос: каково историческое и социокультурное соотношение стран и цивилизаций, прошедших «первичную» или «вторичную» форму модернизации? Иначе говоря, какой из описываемых типов исторически встречается чаще (и, соответственно, – черты какого из типов следует «признать за образцы»)?

Чаще всего (как видно из приведенных выше определений) к странам, прошедшим «первичную» модернизацию, причисляют «Западную Европу, США, Канаду» [10. С. 342–343] – т. е. нынешние «страны Запада» в их современном понимании. Однако историческим реалиям такая констатация совершенно не соответствует, и на это недвусмысленно указывает Т. Парсонс: «Англия, Франция и Голландия, каждая своим путем, вышли на лидирующие позиции в системе держав XVII века... Эти три страны возглавили процесс модернизации на его ранней стадии» [11. С. 16] (Т. Парсонс даже не без юмора пишет о «северо-западном угле», в котором началась «органическая» модернизация). Следовательно, к «первичному типу», по Парсонсу, можно отнести даже не всю Западную Европу, а буквально несколько конкретных государств европейского «северо-запада», которые исторически первыми осуществили более или менее полный демонтаж феодальной системы (страны, перечисленные Парсонсом, помимо всего прочего объединяет то, что в каждой из них имели место антифеодальные, буржуазные революции) и перешли к строительству экономики и социума рыночно-капиталистического типа.

Отсюда первый фундаментальный вывод. Не только «США и Канада» не могут быть примерами «органической» модернизации, но даже и то, что мы сегодня именуем «Западной Европой», в качестве такового примера не выдерживают исторической верифицируемости. А следовательно, большая часть стран, регионов и цивилизаций, в исторической практике которых наблюдались модернизационные процессы (в том числе сегодняшние «развитые страны Запада»), прошли именно через «вторичную», «догоняющую» модернизацию¹. Иначе говоря, **догоняющая модернизация есть практически самый распространенный в истории Нового и Новейшего времени тип модернизации** (по мысли В. Иноземцева, «программа модернизации – это программа догоняющего развития» [11. С. 153];

¹ Более того: и модернизационная практика перечисленных стран «северо-западного угла» в ряде своих проявлений показывает узнаваемые черты догоняющего развития.

«модернизация – это процесс, в основе которого лежит не философствование, а ученичество» [Там же. С. 149]). И уже одно это требует его детального рассмотрения.

Здесь можно привести весьма важную констатацию. Говоря словами Д. Травина и О. Маргания, «иногда приходится сталкиваться с упрощенным пониманием того, что же такое “догоняющая” модернизация. В это понятие вносится некий уничижительный смысл: мол, догнать – это значит всегда плестись в хвосте, а нам бы хотелось “догнать и перегнать”. На самом же деле, говоря о догоняющей модернизации, мы говорим лишь о механизмах, вызывающих важнейшие сдвиги в обществе, а отнюдь не о том, каков будет конечный результат. Догоняя соседа, общество заимствует институты, позволяющие обеспечить необходимые преобразования, а не такие “частности”, как темпы роста, структура экономики, характер занятости и т. д. В силу ряда причин одни догоняющие модернизации позволяли догнать и перегнать соперника, тогда как другие вынуждали все время плестись в хвосте... Как правило, о догоняющих модернизациях принято говорить применительно к неевропейским обществам, пытающимся сегодня преодолеть свою отсталость, столь ярко проявляющуюся на фоне успехов Запада. Подобная традиция сформировалась, очевидно, потому, что, как отмечалось выше, теория модернизации является интеллектуальным продуктом XX столетия, а точнее, его второй половины. Иначе говоря, к тому моменту, когда стало принято говорить о модернизации, Европа (во всяком случае, Западная) была уже регионом модернизированным» [17. С. 64–65]. Иначе говоря, на оценочную тональность догоняющей модернизации явственно влияет привкус европоцентризма, причем в его значении, характерном для доинформационной эпохи.

На самом деле сам по себе «догоняющий тип» вовсе не фатализирует отсталость как таковую. Во-первых, рецидивы данного типа модернизации могут возникнуть на базе специфических историко-культурных ситуаций, в которых оказывается та или иная страна. Во-вторых, сама динамика «догоняющего развития» может привести к тому, что прошедшая подобную эволюцию страна (культура, цивилизация) вполне может, фигурально выражаясь, не только «догнать», но и «перегнать» соседей. Достаточно вспомнить пример США (в XVIII–XIX вв. развивавшихся всецело по «догоняющему» типу), и ситуация проясняется предельно; столь же красноречивы позднейшие примеры Японии, «азиатских тигров» и «европейских дракончиков» (последние, что совсем характерно, не только долгое время пребывали в аутсайдерском состоянии, но даже были своеобразным символом такового – наиболее показателен в данном случае пример Португалии). Такая матрица развития зачастую в рамках данной цивилизации или культуры становится инерционной: А. Пятигорский отмечает превращение «ускорения» в «закон истории», в «манию соревнования», когда возникает искус решать текущие проблемы по «догоняющей» матрице [14. С. 102].

Более того: по справедливой констатации И. Побережникова, «общества, выступающие пионерами модернизации, должны опираться на собственные ресурсы и модели. “Последователи” в этом отношении оказываются в более благоприятной ситуации: страны, прошедшие первые этапы модернизации ранее, демонстрируют им положительные и отрицательные стороны тех или иных новаций, позволяя, таким образом, не только воспользоваться этими новациями, но и избежать совершенных ранее ошибок» [13. С. 302–314].

Важно отметить следующее. Как и для «первичной», для догоняющей модернизации (даже еще в большей степени) чрезвычайно важно наличие идеально-типического проекта, на который предстоит равняться и по которому надлежит ориентироваться в процессе перемен. Можно сказать, что модернизации сокращают не только технологический или экономический, но и онтологический зазор – дистанцию между идеальным и реальным. Д. Травин и О. Маргания недвусмысленно

констатируют: на момент начала процессов догоняющей модернизации в Европе (середина XVIII в.; страны, лежащие вне указанного Парсонсом «северо-запада»²) проблема состояла в том, что «не сформировались еще четкие образцы, на которые могли бы ориентироваться те страны, в которых начинались перемены» [17. С. 27]. То есть если для «первичной» модернизации (как уже отмечалось выше) «образцом для ориентирования» становился некий виртуальный проект (инновационного или псевдоретроспективного характера), то для догоняющей модернизации таковым по определению является **практический опыт чужой модернизации** (т. е. успешный «вызов» удачливого конкурента, на который нельзя не дать «ответ»). По определению О. Побережной, «модернизация – это динамическая ситуация (или процесс, но сейчас нас интересует именно аспект ситуации, пространства, в которое помещается любое социальное понятие), в которой модернизирующееся общество догоняет общество – модель модернизации, занимая у него цивилизационную ценность» [12. С. 24]. Как показывают Д. Травин и О. Маргания, ситуация, когда чужая успешная модернизация становится четким ориентиром для собственных действий, сформировалась именно в XVIII веке, к моменту явственного оформления и кристаллизации нидерландско-британского опыта; показательно, что «на данном этапе развития общества научные исследования в модернизирующихся странах шли преимущественно по пути изучения отдельных прогрессивных черт, имеющихся в других государствах, как современных им, так и известных из прошлого. Весьма характерным в этом плане является знаменитый труд Шарля Луи де Монтескье “О духе законов”, опубликованный в 1748 г., т. е. именно в то время, когда Франция всерьез начинала задумываться об осуществлении радикальных преобразований. Монтескье тщательно собрал со всего мира отдельные крупницы прогрессивных идей и начинаний. В числе взятых им для изучения объектов – и античные государства, и Китай, и арабский мир, и современная ему Англия. В числе поднимаемых проблем – и политическое устройство, и налогообложение, и народные обычаи. Из всего, им собранного, как из отдельных кирпичиков, Монтескье стремился сформировать картину некоего целесообразного общественного устройства» [Там же. С. 27–28].

Есть и еще один существенный момент. Согласно мнению С. Ермахановой, «неорганическая модернизация начинается не с культуры, а с экономики и политики. Иными словами, если органическая модернизация происходит “снизу”, то неорганическая – “сверху”» [5. С. 8]. Такая матрица развития событий может иметь место (более того – она очень часто встречается: по утверждению А. Вишневого, «только государство может осуществить какие-то этапы догоняющей модернизации» [4. С. 136]), но считать это необходимым элементом догоняющей модернизации было бы неверно – как и прямолинейно противопоставлять содержание «первичного» и «вторичного» типов. Строго говоря, практически все процессы обновления в истории в своем законченном виде инициируются «сверху» – чисто «низовых» реконструкций государства (из числа состоявшихся) обнаружить практически не удастся. В «северо-западном углу» (о котором говорит Т. Парсонс) такой прецедент может быть до определенной степени применим только к Нидерландам, поскольку там модернизационные процессы вызревали на протяжении нескольких столетий и были катализированы войной за независимость, так называемой Восьмидесятилетней войной (которой по форме стала Нидерландская буржуазная революция, осложненная к тому же межконфессиональным противос-

² И даже частично внутри последнего – Франция по отношению к Великобритании в указанный период уже попадала в «догоняющую» позицию.

тоянием радикальных протестантов с католиками). Британская же модернизация в экономической области, как известно, начиналась с практики огораживаний, а в социокультурной – с разрыва с католичеством: и то и другое носило, как известно, «верхушечный» (инициатива трона), насильственный и крайне репрессивный характер. Модернизационные мероприятия первых Бурбонов и Ришелье во Франции тоже не отличались демократичностью... С другой стороны, даже самые иницилируемые «сверху» образцы догоняющей модернизации не могли бы состояться, не будь у модернизаторов хотя бы определенной «низовой» социальной базы (причем амплитуда этой базы может колебаться от тонкого слоя «страшно далеких от народа» представителей элиты до достаточно широких слоев населения). Так, например, широко известные модернизационные мероприятия в истории США, такие как «джексоновская демократия», реформы А. Линкольна и Реконструкция, осуществлялись при широкой электоральной поддержке; также многократно описан «союз меча и иены» (самурайства и торгового капитала, поддержанных к тому же зажиточным крестьянством), сделавший возможным революцию «Мэйдзи» (буквально – «прогресса») 1868 года в Японии. Даже столь радикальная ломка всех сторон национальной жизни, каковой стала кемалистская революция в Турции, стала реальностью благодаря тому, что последняя осмыслилась населением как продолжение войны за независимость и возрождение страны, в которой Мустафа Кемаль превратился в Ататюрка, «отца турок» (во многом аналогичный характер имели и феномены Боливара в Латинской Америке, Пилсудского в Польше, Чулалонгкорна в Сиаме (Таиланде), Менелика II в Абиссинии (Эфиопии), Реза-шаха Пехлеви в Иране, Чан Кайши в Китае). Однако хотя бы частичную правоту комментируемой концепции приходится признать: в силу некоторой экстремальности условий, в которых неизбежно проходит догоняющая модернизация, социальная опора последней традиционно не бывает слишком широкой, и поэтому модернизаторам обычно приходится для реализации своих проектов прибегать, как минимум, к авторитарным практикам (о последствиях этого разговор пойдет ниже). Соответственно, и совершаются догоняющие модернизации обычно в режиме повышенной социально-экономической затратности и конфликтности.

Несомненной драматичной чертой всех образцов догоняющей модернизации является «внешний вызов» (С. Хантингтон применительно к интересующей нас проблеме даже использует термин «оборонительная модернизация» [18. С. 164]). «Догоняние» ушедших вперед соседей всегда происходит под воздействием самой главной мотивации – не оказаться в положении жертвы более успешного игрока на модернизационной сцене. По крайней мере, до 2-й половины XX века, до вступления в силу юридических норм ООН, в вопросе своевременных или «запаздывающих» модернизаций откровенно правила бал стилистика социального дарвинизма; П. Штомпка прямо отмечает, что в данном случае «используются эволюционные рассуждения в духе дарвинизма, т. е. идеи вариативности и выживания наиболее приспособленных. В борьбе обществ (культур, экономик, организационных форм, военных систем) модернизация позволяет лучше адаптироваться, действовать эффективнее, удовлетворять более разнообразные потребности большего числа людей и на более высоком уровне. Предпосылкой модернизации является сосуществование различных обществ. Те, кто отстает в своем развитии, вынуждены модернизироваться, в противном случае они терпят поражение. Процесс адаптации может подталкиваться снизу и осуществляться постепенно, но тогда он идет очень медленно. Ускорить его способна образованная политическая элита, которая осознает необходимость реформирования общества. Она начинает преобразования “сверху”, подкрепляя их пропагандистскими кампаниями, объясняя широким массам выгоды, которые сулит модернизация» [20. С. 174–175]. Но и по-

следние семь десятилетий не намного смягчили правила игры – только на место страха быть уничтоженными физически пришли опасения из области экономики (в частности, в современной России дела обстоят именно так). Можно даже сформулировать следующую посылку: зачастую у элит, правящих в странах, где вопрос о модернизации становится проблемой жизни или смерти, субъективно отсутствует желание заниматься сложными и непредсказуемыми процессами осовременивания (править по традиции проще и привычнее!); иногда модернизационная необходимость даже вступает в резкое противоречие с принятой в среде данной элиты официальной идеологией (случай царской России, позднего СССР, постельцинской РФ или современного исламского мира), – но иного пути нет, альтернативой станет даже не стагнация (хотя и она тоже!), а неотвратимый крах и крушение собственной государственности (независимости, этничности, цивилизационной идентичности). Отсюда и частый «верхушечный» характер догоняющих модернизаций: ситуация грядущей катастрофы на верху социальной пирамиды просматривается отчетливее, к тому же правящим кругам просто по характеру собственной деятельности приходится заниматься прогнозированием ситуации (хотя бы для сохранения собственной власти) – в то время как основная масса населения может пребывать в спокойном неведении и полагаться на привычную социальную терапию традиции (тем более что последняя обстоятельно «расписывает» все социальные роли для каждого конкретного «игрока» и освящает все ролевые установки вековым авторитетом, – а то, что в меняющемся мире традиция может и не дать ответа на новые вызовы или дать неадекватный ответ, большинству неведомо!). Как в этой связи отметил С. Хантингтон, в догоняющей модернизации «критическим этапом в освоении инновации становится процесс принятия, а не процесс предложения» [18. С. 152]. Впоследствии, уже в ходе стартовавших процессов догоняющей модернизации, появляются и иные, более позитивные мотивы к инновациям (в том числе творческие, и шире – культурные), но в фундаменте процесса обязательно присутствует характерная тойнбианская оппозиция «вызов – ответ». И от того, сумеет ли данная страна (режим, регион, цивилизация) найти адекватную модель «ответа», зависит дальнейшая судьба субъекта модернизации. Неомодернизационная теория устами практически всех своих авторов недвусмысленно предупреждает: никаких гарантий тут нет, модернизация может и безнадежно запоздать (случай Первой Речи Посполитой или Бирмы эпохи Миндона) и вообще не начаться, несмотря на самую насущную необходимость это сделать (случай Шотландии, Араукании или Трансвааля), и пойти по ошибочному или неверно смоделированному пути (классический пример – Аргентина XX века, имевшая удачный старт и крайне неудачное продолжение собственной модернизации; в значительной степени последний случай иллюстрируется и историей СССР).

Вообще, по известному мнению У. Мура, можно выделить десять, различающихся своей направленностью, моделей социальных изменений: 1) постепенный и непрерывный рост; 2) стадиальную ступенчатую эволюцию; 3) неравномерное развитие, в основе которого лежит принцип непропорциональности темпов эволюции; 4) циклический рост; 5) разветвленную, многолинейную динамику; 6) циклическую безвекторную динамику; 7) логистический рост; 8) упадок в соответствии с логистической кривой; 9) экспоненциальный рост; 10) падение по нисходящей экспоненте [3. С. 75–79]. Любой из вышеописанных вариантов может стать содержанием догоняющей (и иной другой) модернизации, и конкретика содержания и стилистики последней будет зависеть от множества объективных и субъективных факторов, о содержании которых нам еще предстоит разговор.

А шведский социолог и культуролог Й. Формюс утверждает: модернизация (тем более догоняющая) не может состоять только из твердых, устойчивых структур или только из быстрых, случайных изменений. Следует различать 4 типа различных исторических процессов: устойчивые структуры, непредсказуемые случайные события, волнообразные периодические циклы (например, смены поколений или циклические кривые капиталистической экономики) и собственно направленные, векторные процессы модернизации [1. С. 25].

Наконец. Еще раз напомним предостережение Н. Смелзера: «модернизацию нельзя считать устойчивым движением вперед: перемены всегда происходят неравномерно, и неизбежен конфликт между силами традиции и модернизации» [217. С. 624]. Особенно это относится к догоняющей модернизации, поскольку она проходит в условиях повышенного фактора риска – гражданское общество в странах «вторичной» модернизации чаще всего не созрело или находится в зачаточном состоянии (а значит, силы традиционализма обладают значительным – если не подавляющим – ресурсом), модернизационные проекты воспринимаются в таких условиях настороженно или даже враждебно, «одни элементы общества “убежали” вперед, их уровень более или менее соответствует уровню развития аналогичных элементов в передовых странах, а другие – еще не “вызрели”, отстают в своем развитии или вовсе отсутствуют» [10. С. 343]. К этому надо прибавить свойственную любой модернизации, но приобретающую особую болезненность именно в условиях модернизации догоняющей конфликтность поведенческих матриц «традиционного» и «модернизированного» человека (болезненность, поскольку в «догоняющих» условиях традиционализм преодолен в гораздо меньшей степени или не преодолен вообще). «Там, где традиционный человек, – замечает Д. Лернер, – отвергает всякие инновации, говоря: “Так быть не может”, представитель современного Запада, скорее, спросит: “А не сделать ли это?” – и проложит новый путь без лишней суеты». Иначе говоря, человек в современном обществе – это «то, чем он может стать, а общество – это то, что предоставляет ему для этого соответствующие возможности» [2. С. 48–49]. По замечанию Д. Травина и О. Маргания, «два различных типа общества характеризуются совершенно различной мотивацией деятельности. В традиционном – человек не может сотворить ничего принципиально нового. И не просто потому, что это трудно с технической, если можно так выразиться, точки зрения. Трудности созидания не главное. Гораздо важнее то, что ему даже не свойственно мышление, предрасполагающее к созиданию. Он просто видит мир абсолютно неподвижным. Так же как дальтоник не различает цвета, человек традиционного общества по самой природе своей не различает развития. Модернизированная личность, напротив, плохо понимает, каким образом можно жить без развития. “В том, что известно, пользы нет, одно неведомое нужно”, – заметил мельком геттевский Фауст, рожденный поэтом как раз тогда, когда Германия находилась на старте своей модернизации. Но это, казалось бы, случайное замечание фактически определяет всю философию современности. Человек теперь постоянно стремится добиваться каких-то новых целей, преобразуя себя и общество. Не столь важно даже, какие это цели – материальные или духовные, карьерные или творческие, технические или гуманитарные. Важно то, что они есть» [17. С. 22].

Именно поэтому, по словам О. Нечипоренко и А. Вольского, «процессы вторичной модернизации чреватые мощными социальными конфликтами» [9. С. 10]. (По констатации С. Хантингтона, «разрывы между богатыми и бедными, между современной элитой и традиционными массами, между сильными и слабыми... составляют обычный удел “старых обществ”, пытающихся сегодня осуществить модернизацию» [18. С. 146].) Как пишет Э. Дж. Рейсс, «ценностные и организационные конфликты большого общества... сообщности оказываются фокусом этих

проблем не только потому, что сообщество – это сцена повседневной деятельности, но и потому, что, с одной стороны, ценности большого общества и их организация вторгаются в повседневную жизнь людей, а с другой стороны, основные институты поддержания этих ценностей и отправления социального контроля зачастую функционируют в сообществах и через них» [15. С. 113–114]. А В. Красильщиков добавляет: «Процесс капиталистического развития в догоняющих странах форсируется, что приводит к скачкообразности развития, диспропорциям, значительной социальной напряженности, конфликтам. Как отмечают исследователи, в неорганичных модернизациях темпы перемен в экономической, политической, социальной и духовной сферах жизни общества не соответствуют друг другу. Одни элементы опережают другие и более или менее сопоставимы с развитыми странами, другие отстают или отсутствуют, например быстрый экономический рост, обновление производственной технологии могут сочетаться с подавлением демократии или архаичным земледелием, высокий уровень высшего образования и науки может соседствовать с неграмотностью большей части населения и т. д.» [7. С. 9].

Модернизацию в подобных условиях бразильский историк Н. Вернек Содре назвал «движением квадратного колеса» [10. С. 343], подразумевая цикличность модернизационных и антимодернизационных тенденций, смены фаз рывков и откатов, «революций» и стагнаций. То есть сама природа догоняющей модернизации может породить тенденцию к инверсионности или хотя бы элементы последней – ту самую инверсионную матрицу, которую А. Ахиезер определил как едва ли не главное содержание историко-культурного пути России. Последняя часто воспринимается как сугубо российская специфика, однако на деле аналогичные или схожие феномены в практике догоняющих модернизаций встречаются отнюдь не редко. Классические примеры: Испания XIX – первой половины XX в. (постоянная инверсия революционно-реформаторских и «застойных» эпох в промежутке между «просвещенным абсолютизмом» Карла III и гражданской войной 1936–1939 гг. и диктатурой Ф. Франко), Турция в тот же исторический период (аналогичное испанскому состояние социокультурной инверсии в промежутке между началом эпохи Танзимата и кемалистской революцией), большинство стран Латинской Америки после завоевания независимости (инверсионные рецидивы в виде чередования более-менее успешных, имеющих «модерный» вектор экономических мероприятий – и системных срывов в виде переворотов и гражданских войн); в конце XX века – некоторые азиатские страны (фундаменталистские реакции в Иране и Афганистане после «белых революций» Мохаммеда Реза Пехлеви и Закир-шаха). Подобные инверсии не фатальны: Испания, Бразилия и Турция XX века продемонстрировали способность разорвать порочный инверсионный круг и провести успешную модернизацию. Однако сама потенция к возникновению такой неблагоприятной экспоненты в качестве модели развития всегда имеется в наличии: к этому располагает сама природа данного типа модернизации. Этот момент является алармистским пунктом всех проектов догоняющей модернизации, который не имеет права упускать из внимания ни один теоретик и практик, занимающийся данной проблематикой.

Литература

1. Fornas J. *Cultural Theory and Late Modernity*. – London, 1995.
2. Lerner D. *The Passing of Traditional Society. Modernizing the Middle East*. Glencoe. – Illinois, 1958.
3. Moore W.E. *Social Change*. Englewood Cliffs. – N.Y. : Prentice-Hall, 1974. – P. 34–46; также см.: Vago S. *Social Change*. Englewood Cliffs. – New Jersey : Prentice-Hall, 1989.

4. Вишнеvский А. Демографическая модернизация России // Российская модернизация: размышляя о самобытности / под ред. Э. Паина и О. Волкогоновой. – М. : Три квадрата, 2008.
5. Ермаханова С. А. Теория модернизации: история и современность. – Новосибирск : Институт экономики и ОПП СО РАН // essaltamat@mail.ru
6. Иноземцев В. О невозможности модернизации России // Российская модернизация: размышляя о самобытности / под ред. Э. Паина и О. Волкогоновой. – М. : Три квадрата, 2008.
7. Красильщиков В. А. Вдогонку за прошедшим веком. Развитие России в XX веке с точки зрения мировых модернизаций. – М., 1998.
8. Наумова Н. Ф. Рецидивирующая модернизация в России: беда, вина или ресурс человечества? – М., 1999.
9. Нечипоренко О. В., Вольский А. Н. Эволюция парадигмы социальной модернизации. – URL: library.byportalus/modules/philosophy...?...archive...
10. Основы социологии и политологии / под ред. проф. А. О. Боронова, проф. М. А. Василика. – М. : Гардарика, 2003.
11. Парсонс Т. Система современных обществ. – М., 1998.
12. Побережная О. Н. Гражданское образование как модернизационный проект [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.humanties.edu.ru>
13. Побережников И. Диффузионные механизмы как фактор модернизации власти общества: теоретико-методологические аспекты // Уральский исторический вестник. – 2005. – № 10–11.
14. Пятигорский А. М. Индивид и культура : интервью // Вопросы философии. – 1990. – № 5.
15. Рейсс Э. Дж. Некоторые социологические проблемы американских сообщностей // Американская социология: перспективы, проблемы, методы. – М., 1972.
16. Смелзер Н. Социология : учеб. пособие для вузов. – М. : Феникс, 1998.
17. Травин Д., Маргания О. Европейская модернизация. – М. : ООО «Изд-во АСТ» ; СПб. : Terra Fantastica, 2004.
18. Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. – М. : Прогресс-Традиция, 2004.
19. Цапф В. Теория модернизации и различие путей общественного развития // Социс. – 1998. – № 8.
20. Штомпка П. Социология социальных изменений. – М. : Аспект Пресс, 1996.